

АЛЕКСАНДРА БЛОНСКАЯ

ЩИДАННИ

ПОПАЛА

18+

Циани

Александра Блонская

Циани. Попала

«Автор»

2026

Блонская А.

Циани. Попала / А. Блонская — «Автор», 2026 — (Циани)

Это история одной рыжей девушки, у которой наконец-то налаживается жизнь. Один неловкий шаг, и она оказывается в чужом, жестоком мире.

Чтобы выжить здесь, желательно не быть женщиной, не быть магиней и не задавать лишних вопросов. К сожалению, Аня сразу всё из этого списка. Один проблеск надежды на горизонте - Эдвард Стоунфилд. Подозрительно идеальный мужчина для мира, полного подонков.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Александра Блонская Циани. Попала

**Александра Блонская
Анна из рода Циани**

...И снизошло на неё озарение.

И направила Светлана сына своего.

*И коснулся он святыни великой.
И дрогнула твердь земная.*

И рассыпался камень хрупкими осколками.

*И вырвался поток из ничего и из ниоткуда.
И пронзил он землю стенающую.
И кошка обрела повадки пантеры.*

И аист облачился в перо пылающее.

И ящер поднялся драконом.

*И черепаха стала Нишур.
И вошёл поток в тело самой Светланы.*

И наполнил её силой животельной и пагубной.

*Но не овладел ею поток — по воле и милости Единого.
И явилось существо старше всего древнего.
И встало подле неё щитом.
Так возродилась Империя...
Из книги, что должна быть забыта.*

Песнь вторая.

Глава 1. О дивный новый мир?

Аня открыла глаза и с удивлением обнаружила себя лежащей на спине. *Где?* Моргнула несколько раз, пытаясь сфокусироваться. Вверх уходил высокий каменный свод. *Это точно не скорая.*

Повернула голову и увидела огромные витражи. Бледные лучи света падали на пол, дробились на холодные разноцветные пятна... *Какая-то заброшенная церковь?*

Девушка осторожно подняла руку к лицу — пальцы дрожали, сердце билось как бешеное, хотя она просто лежала. Аня резко выдохнула и села — волосы упали на лицо рыжей, спутанной волной.

— Что произошло? — пробормотала под нос.

Она помнила: новогодний корпоратив телеканала. Музыка, свет, недопитый бокал сока. Девушка вышла подышать, она была счастлива — жизнь налаживалась.

— Бабуль... ты бы гордилась. Мне... мне наконец хорошо.

Аня тогда раскинула руки, улыбнулась в небо и закружилась. Не заметила лёд на тротуаре — одно неловкое движение — и очередной круг на скользком асфальте закончился на дороге. Девушка упала назад, прямо под фары.

Она помнила ослепительный белый свет. Помнила, как ее тело напряглось в ожидании удара. Но самого удара — не было. Она просто оказалась... Здесь.

— Это... смерть? — прошептала Аня в тишину. — Выглядит так себе...

Медленно поднялась, опираясь ладонями на холодный камень. В движении черное вечернее платье задралось. Девушка одернула его и застегнула дутую куртку — очень холодно. В глаза бросилось яркое сияние — свет исходил от чокера на шее. Бабушкин подарок — раньше он никогда не светился.

— Что ж, сэкономлю батарейку телефона... — сжала в пальцах и вытянула источник света вперёд.

Звук собственного голоса успокаивал. Неуверенно девушка сделала несколько шагов. Впереди возвышался каменный алтарь.

— Кто ты? — внимательно взглянула в лицо мраморной статуи позади алтаря. Величественная женщина без носа и правого уха ей не ответила и в общем-то это уже было хорошим поворотом событий. Аня сглотнула, проводя взглядом по мечу в руках гигантского изваяния.

Зашагала в поисках выхода, вдали виднелись ворота. Поток лунного света упирался прямо в них. Аня ускорила, почти побежала к огромным дверям. С усилием распахнула их. Холод ударил в лицо, как пощёчина.

Пустынная снежная долина, уходящая в бесконечность. Вдалеке возвышались горы — высокие, чёрные, угрюмые, их пики терялись во тьме и тумане. Ни дорог. Ни фонарей. Ни единого следа на снегу, что освещала луна. *Пейзаж больше напоминал сон, чем реальность.*

— Замечательно! — Анин голос сорвался. *Точно: умерла.* — Офигенно! Спасибо! Лучший корпоратив эвер!

Ответом ей было застенчивое завывание ветра. Глаза защипало, девушка сжала кулаки и выдохнула. *Зачем она вышла на улицу...*

Аня ещё раз взгляделась в горную долину. Домов и дорог не появилось. Идти лишь бы куда в лютый мороз — самоубийство.

Гигантские двери громко хлопнули. Внутри храма было не теплее, но без ветра. Девушка снова огляделась в этот раз выискивая возможность согреться. Тело пробивала крупная дрожь.

По обе стороны зала располагались массивные мраморные каминные порталы. Аня подошла к одному из них. Ни одного полена внутри, не было даже пепла. Тёмная пасть смотрела пустыми глазницами.

— Прекрасно. Ожидаемо... — девушка похлопала себя по бокам, пытаясь разогнать кровь, но дрожь только усиливалась. *Сидела бы себе, да слушала тосты...*

Аня задумалась: всё происходящее может быть чем-то вроде иллюзии. А сама она в отключке, желательно, по пути в больницу. *Надо найти выход и вернуться обратно, в жизнь.* Девушка встряхнула головой и двинулась к алтарю.

За статуей женщины с мечом, скрывался ещё один проход. Помещение оказалось меньше, но всё равно огромным — словно вспомогательная зала. Здесь было больше уцелевшей мебели — массивный стол, стулья, полки. И свой, более скромный камин. С лихорадочной энергией Аня принялась шарить по углам и шкафам в поисках того, что можно было бы сжечь. Холод обжигал ноги в тонких колготках.

Взгляд зацепился за тяжёлую ткань. Огромные, толстые, бархатные шторы, они закрывали арку в нишу.

— А вот это пригодится! — ликовала Аня. Пришлось потянуть изо всех сил: карниз держался крепко — с неприятным скрежетом он оторвался и рухнул на пол, подняв тучу пыли. Девушка закашлялась, но уже в следующую секунду обматывала себя тяжёлой тёплой тканью прямо поверх дутой куртки. Сердце стукнуло чуть спокойнее. *Теперь нужен огонь.*

— Королева изволит топить камин! — величественно взмахнула Аня своим самодельным плащом и застыла в пафосной позе. Естественно, никаких слуг не появилось. Только пыль с ткани взметнулась выше. — Что ж, попробовать стоило...

На одной из каменных полочек лежало металлическое устройство — напоминающее огниво или зажигалку, но куда изящнее, вытянутое, с выгравированным символом. Аня щёлкнула металлическую пластинку, стараясь не выпускать края «королевской мантии».

Искра. Крохотная, живая искорка вспыхнула на мгновение и погасла. Аня замерла. Пальцы задрожали, но уже не от холода.

— Оно работает... — прошептала девушка. — Чёрт, оно работает!

Дело за дровами. Дерева вокруг было полно: обломки стоек и подставок, полки, деревянные таблички. Всё это девушка собрала в кучу у камина. Нужна была ещё бумага или солома. Лучше бы, конечно, газовую горелку найти, но антураж не предполагал таких сокровищ.

Глаза наконец привыкли к темноте и теперь стали видны фрески на стенах. Потускневшие, потрескавшиеся, но всё ещё читаемые.

На первой — женщина в длинной мантии держала в руке голубое пламя. Как факел, но без основы. На второй изображена то ли карета, то ли машина. На третьей — неизвестная с размытым лицом держала в руках лампочку... или просто бокал? *Ничего полезного.*

Аня приблизилась, ощупывая поверхность.

— Что за... альтернативная история? — пробормотала она. Странно даже для комы.

Но сначала — огонь. Девушка вздрогнула, с усилием подняла тяжёлый фолиант в кожаной обложке и направилась обратно к камину. Она успела пролистнуть несколько пожелтевших страниц и даже вырвать одну из них, как услышала отчетливый стук. Глухой, тяжёлый и ритмичный. *Это лошадь!*

Аня заулыбалась, страх отступил. Не думая, понеслась на звук, к выходу. Плащ из штор волочился за ней по камню, замедляя. На середине пути, в главном зале, девушка бросила тяжёлую ткань и ускорила. Наконец, рывком распахнула тяжёлые двери. В лицо снова ударил холод, но девушка не обратила на него внимания.

Вдалеке, на фоне белой пустоши, действительно двигалась фигура на лошади. Тёмное пятно на бесконечном снегу.

— Эй! — сорвалось с губ, голос Ани хрипел. — Здесь! Помогите!

Она отчаянно замахала руками. Фигура ускорила. Аня почувствовала, как тепло надежды поднимается в груди. Когда всадник подъехал ближе, сердце ухнуло вниз. Это был мужчина. Низкорослый, широкий в плечах, крепкий, словно вырубленный из камня. Щёки красные от холода, густая борода в изморози. Одет в меха, и в них он казался ещё более массивным. Но главное — выражение лица. Не радость, не удивление. *Гнев!*

Он спрыгнул с лошади резко, как хищник. И в том же движении рванул меч из ножен.

Аня отступила на шаг.

— Эй, эй! Стой! Кто ты? — ветер как назло усилился, и мужчина ничего не слышал. — Я... я не враг!

Нападающий не поверил, что-то злобно выкрикнул в ответ. Речь была рваная, громкая, на незнакомом языке. Звучало так, будто каждое слово он выплёвывал с ненавистью. Аня подняла руки — жест: «Я сдаюсь!». Воин без предупреждения замахнулся мечом в рубящем движении.

Рывок в сторону — клинок рассёк воздух у самой щеки. Девушка упала в снег, ладонями впиваясь в ледяную корку. *Он убьёт её.*

Аня судорожно вскинула руку, нащупала ветку и швырнула в мужчину.

— Отвали!

Ветка полетела ровной дугой. Медленно, она не могла нанести серьезное увечье. Но, когда коснулась руки нападавшего... вспыхнула.

Ослепительный голубой огонь опалил лицо и руки мужчины, перекинулся на его меха. Несчастный издал дикий животный вопль ужаса. Он отшатнулся, выпустил меч из пальцев и упал на колени, зажимая обожжённые ладони. Мужской взгляд впился в Аню и та застыла в оцепенении.

— Я... я не... — выдавила Аня, она пыталась вдохнуть и не могла. Странная тяжесть пригвоздила её к снегу. *Нужно бежать.*

Другая лошадь вылетела на пустошь, вздымая снег. На этот раз на светлом скакуне была женщина. В считанные секунды наездница спешила плавным движением. Хрупкая, тонкая, почти невесомая. Длинные белые волосы развевались на ветру, как нити ледяного света. Кожа — бледная, прозрачная, фарфоровая. Даже в движении выделялись ярко-голубые глаза, освещённые лунным светом. Спокойно и уверенно незнакомка вынула свой меч из ножен. Движение — как из танца, и кровь темным пятном брызнула на снег. Воин захрипел и рухнул в затухающем пламени.

Аня рванула прочь — и странная тяжесть исчезла. Поползла от тела прямо по снегу. Холод в ладонях приводил в чувство. Через несколько метров остановилась, устала на свои руки. Догадка мелькнула в мыслях.

— Это ты его подожгла?

Незнакомка не ответила, вытерла клинок о меха мужчины, спрятала за пояс — и только тогда посмотрела на Аню. Она шагнула ближе, мягко, будто боялась спугнуть и сказала что-то ласково, словно зверьку. Её голос — нежный, почти музыкальный — произносил незнакомые слова. Аня резко села на снегу, выдыхая. *Хотела бы — уже убила.*

— Я... ни черта не понимаю.

Спасительница наклонила голову, изучая сидящую перед ней. Как бы невзначай взглянула и на кристалл в чокере-кольце. Это не ускользнуло от внимания Ани. В ответ она застегнула куртку выше, скрывая яркий камень.

— Пф...

В это время незнакомка вернулась к телу мужчины. Деловито схватилась за ворот его шубы и потянула к краю склона. Аня наблюдала с открытым ртом, ощущение нереальности происходящего пересилило дрожь от ужаса.

Если это — попытка избавиться от тела, то весьма глупая: оставалась явная кровавая дорожка. Наконец белокурая остановилась, устало выдохнула и выразительно посмотрела Ане прямо в глаза. Та замерла на секунду — липкое, острое чувство растеклось в области желудка. Поморщилась, но подошла и уперлась руками в спину убитого.

— Это не на самом деле... — нервно усмехнулась вслух. Вместе кое-как дотолкали воина до края. Последний рывок — и тело исчезло за обрывом, глухо ударившись о выступы внизу. *Почему я это сделала?*

Белокурая лишь коротко кивнула и повернулась к лошадям. Она прогнала с поляны лошадь убитого. Та фыркнула, повернулась и поскакала прочь, оставляя глубокие следы на снегу. После этого ловко вскочила на свою лошадь и... понеслась. Стала нарезать круги вокруг храма. Лицо при этом было спокойным, даже скупающим. Потом она повела свою лошадь по контуру замысловатых фигур, будто танцевала верхом.

Анна наблюдала минуту. Вторую. Наконец, вздрогнула от холода и сумасшествия происходящего.

— Весело тебе в шубе кататься!

Махнув рукой на всадницу, Аня вернулась в храм. Кожу жгло от холода — даже дутая куртка перестала спасать. Думать о случившемся с мужчиной не хотелось, но его образ нова и снова вспыхивал перед глазами. С поникшими плечами подняла с пола свой «плащ» и вернулась в него. Не то, чтобы это грело, но как будто бы должно было. Зал за статуей встретил её прежней тишиной и запахом пыли.

— Так, на какой странице мы остановились? — прошептала Аня, берясь за толстый фолиант и вырывая следующий листок. Еще один она пожалела — на нём был искусный рисунок с всадником в красном плаще.

— Человек, рисовал, старался...

И только Аня поднесла смятую бумагу к огниву, как ее остановил гневный крик незнакомки. Когда она успела зайти? Девушка вырвала из рук Ани страницы и стала их разглаживать. Затем поняла, что это не помогает и ... ткнула пальцем Ане в лоб. От шока последняя аж вскочила на ноги и даже замахнулась для ответа, но вовремя вспомнила, что только произошло снаружи.

Белокурая тем временем зашла в нишу и вернулась с ведерком угля в руках. Показательно высыпала в камин и легким движением руки добыла из огнива не искру, а полноценное пламя.

— А ты мне нравишься!

Собственный голос прозвучал чужим и слишком громким. Незнакомка проигнорировала комплимент, она сосредоточенно раздувала пламя.

Жар от камина был почти болезненным. Аня сидела, сжавшись в комок, и протягивала к огню онемевшие пальцы, которые теперь покалывало. Хотелось основательно подумать, что дальше, но мысли разбегались как тараканы от света.

Белокурая девушка достала нечто из маленькой кожаной сумочки, изящной, словно для похода в театр.

Подошла к Ане, протянула ладонь. На ладони сидел... жук. Толстый и блестящий, с хитиновым панцирем цвета старой меди. Девушка указала на рот. «Мол, съешь».

— Спасибо, не голодна, — буркнула Аня. Незнакомка повторила жест и пришлось даже вскочить на ноги и закрыть рот ладонями — на всякий случай.

Любительница съесть жуков пожалала плечами и сделала движение назад. Аня расслабленно выдохнула. В тот же миг тонкие пальцы вцепились в её подбородок.

— Ммф—!

Пальцы с силой разжали челюсть. Захлебнувшееся «нет» только помогло — жука затолкали прямо в рот. Аня дёрнулась, едва не подавившись. Хитиновый панцирь царапнул язык. Фарфоровая ладонь зажала ей губы, не позволяя выплюнуть насекомое. Пальцы другой руки показали на энергичный, размалывающий жест челюстей — «Жуй».

Отвращение подкатило к горлу комом. Жук хрустнул. Вяжущее, тягучее, мерзкое ощущение смолой растеклось по языку. Слюна во рту мгновенно пропала, а язык и нёбо покрылись плёнкой, скулы свело. Аня с трудом проглотила липкую, отвратительную массу, давясь и закатывая глаза.

Ноги вдруг стали ватными, в глазах помутнело. С глухим стоном девушка осела на свой плащ.

— Отрава?

Мир поплыл, сердце забило неровно и часто, будто падало в пропасть. Аня не теряла сознания, но лежала, не в силах пошевелиться, глотая воздух и чувствуя, как по телу растекается тяжёлая волна.

Примерно полчаса Аня пролежала так, наблюдая, как тени от огня пляшут на потолке. Ей даже начало казаться, что она видит свет больничных ламп. Снующих туда-сюда людей. Как же иначе, как еще она могла объяснить весь этот бред.

— Только бы не в девятую городскую попасть...

Постепенно, очень медленно, свинцовая тяжесть начала отступать. Дрожь в руках утихла, в пальцах вернулось ощущение тепла. Аня сделала глубокий вдох и поняла, что дышать стало легче. Тело, измученное холодом и шоком, наконец-то расслабилось.

Белокурая присела рядом, спокойно наблюдая за её мучениями, а потом принялась расставлять дровяшки для костра на свои места. Иногда что-то бурчала под нос, иногда довольно резко. И вот, в какой-то момент, сквозь туман в голове, Аня поняла значение слов.

— Варварство! Этой книге больше тысячи лет! — с возмущением в голосе произнесла незнакомка, бережно укладывая фолиант в тряпичную сумку. Аня приподнялась на локте, широко раскрыв глаза.

— Я... я понимаю тебя?

Незнакомка резко обернулась, её ледяные глаза сузились.

— А, — лишь коротко выдохнула она. — Пришла в себя, глупая?

— Глупая? — девушка в возмущении резко села.

Собеседница фыркнула.

— Торговец обманул, — пояснила она равнодушно. — Жук такой себе, видимо.

Аня заморгала. По вкусу так точно не очень. Блондинка повторила, медленно, по слогам:

— Жук — не о-чень.

— Ещё придётся есть?! — всплеснула руками. Собеседница вздохнула и продолжила объяснения. На этот раз с лёгкой усталостью, как ребёнку:

— Жук, которого ты съела, — Переговорщик. После него можно говорить и понимать любой язык. Со временем мозг адаптируется, акцент и шероховатости пройдут... наверное.

Аня застыла. А девушка продолжила:

— И он очень дорогой. Теперь ты должна мне.

Аня возмущенно открыла рот, но собеседница снова перебила:

— Я — Фиона из рода Элени, глупо было бежать в эту страну. Особенно без Переговорщика. Тут опасно.

— Я... никуда не бегала. Я вообще не знаю, где...

— Разве в Стране варваров-человекоедов этих жуков не полно? Их же оттуда и привозят...

— Варваров-человекоедов? — переспросила Аня с искренним ужасом. — Это страна так называется?!

Фиона задумалась и легко улыбнулась.

— Дословный перевод. Это опять проделки жука. Но смысл правильный — они едят людей. Поэтому многие бегут оттуда сюда. Хотя... — она пожала плечами, — здесь немногим лучше.

Аня обхватила себя руками и подозрительно присмотрелась к Фионе. Меч, меха...

— А ты вообще что здесь делаешь? Ты сама откуда будешь?

— Я отсюда, из Страны Синих Кристаллов. — Фиона насмешливо приподняла бровь. - Я... гуляла.

— С мечом?

— Вот именно, здесь лучше всего гулять с мечом, а не с занавесками поверх одеяла, - Фиона критически взглянула на дутую куртку. Хотела что-то ещё сказать, но замерла вслушиваясь, снаружи снова кто-то двигался верхом. Фиона раздраженно закатила глаза и резко схватила Аню за локоть.

— Пусть хоть в дом умалишенных, но ты должна попасть в Лазурную столицу. Там я тебя найду. Но лучше, если ты сама придешь в Восточный Дом Гетер.

Аня хотела было возразить, что ничего не поняла, но Фиона быстрым движением сорвала ее кольцо.

— Эй! Это моё! — Аня попыталась выхватить украшение, воровка быстро зашипела:

— Меня обыскивать не станут, а тебя за это здесь повесят!

В большом зале раздался звук открывающихся дверей. Пришлось уступить.

— Арк! Ты здесь? — послышались мужские голоса. Аня кинулась к своему плащу и на всякий случай схватила металлическую кочергу.

— Мужчины... Никогда не доверяй мужчинам в этой стране. — Фиона силой заставила бросить оружие и кинулась к выходу из их теплого убежища. На секунду обернулась в дверях и чуть слышно мурлыкнула, — Даже Эдварду Стоунфилду.

— О, слава Единому, здесь кто-то есть! Мы спасены! — голос Фионы стал нежным, с придыханием. Да и движения из плавных, но сильных и уверенных стали откровенно слащавыми.

Звуки шагов в зале ускорились. В уже теплую комнату зашли двое мужчин. Плащи на них были одинаковые — серо-голубые, с серебряными застёжками на груди. Один — плотный, с круглым, почти детским лицом, второй — постарше, сутулый, с обветренной серой кожей и цепким, недоверчивым взглядом.

Фиона мгновенно преобразилась. Нежная, ранимая, чуть дрожащая — будто даже свет от огня становился мягче рядом с ней.

— О... слава Единому... — выдохнула она, прижимая ладони к груди. Сделала шаг, пошатнулась для верности. — Я уже думала, что погибну тут...

Голос «несчастной» сорвался, и полноватый мужчина сразу подался к ней. Его яркие рыжие волосы вспыхнули в свете камина.

— Что с вами, госпожа? Что случилось? — он поспешно усадил Фиону на ближайшую лавку, заботливо придерживая под локоть.

— Лошадь... — Фиона виновато опустила глаза. — Моя бедная лошадь обезумела, скинула меня и умчалась прочь. Я так устала... я уже думала... — она запнулась, трепетно сжав пальцы. — Я шла, как могла. Ещё немного — и замёрзла бы.

Полный мужчина сжал губы, тяжело кивнул, он был само сочувствие. Суровый же скрестил руки на груди и нахмурился:

— А что вам, госпожа, понадобилось в этих местах?

Фиона вздохнула — устало, смиренно и благородно. Достала из-за пазухи сложенный пергамент и протянула тому, что со строгим взглядом.

— Я — Фиона Элени и я действую... — гордо начала она, — с разрешения столичного жреца-наместника. Это акт милосердия.

Полный мужчина вспыхнул, он явно узнал имя блондинки:

— Милосердия? Вот как...

Фиона плавно кивнула.

— Брат-хранитель, я узнала, что одна из наших... одна из Гетер... бежала в сторону варваров. Я хотела отговорить её от греха. Предупредить. Попросить вернуться. Это было слишком самонадеянно с моей стороны... — девушка сложила руки. — Я надеялась догнать её, а в итоге сама едва спаслась.

Сутулый мужчина внимательно изучал печати на пергаменте.

— Разрешение в порядке... — пробормотал он. Затем поднял глаза: — Она тоже из вашего дома?

— Я нашла её здесь. Бедная... чужестранка. Язык путаный, почти не понимает, — Фиона вздохнула с грустью. — Переговорщик у неё явно бракованный.

Анна до этого с восторгом наблюдала театр одной актрисы, теперь же, когда речь зашла о ней, вздрогнула и опустила взгляд. Она не понимала, как лучше себя вести. А ещё она устала. Сознание накрыло полное равнодушие к происходящему.

Полный мужчина удивлённо хмыкнул:

— Бракованный? Разве у них там не полно этих жуков? Они же там... как тараканы.

Тот, что с цепким взглядом спокойно спросил:

— Вы, случайно, не видели комиссара? Он должен был пройти здесь раньше нас, верхом.

Анна сглотнула, но больше ничем не выдала волнение. Фиона лишь удивлённо распахнула голубые, невинные глаза:

— Увы... никого не видела. Лишь эту бедняжку.

— Мы нашли вашу лошадь, госпожа... — подумав, мужчина добавил, — и лошадь комиссара.

И тут взгляд Анны упал на застёжку плаща одного из братьев-хранителей. Там был не просто узор, а очень знакомая эмблема. Кристалл и руны — прямо как в любимой когда-то компьютерной игре.

И всё. Обрывки реальности — холод, боль, страх, Фиона, жук, убийство, смешные названия — сложились в единственно возможную для её измученного мозга картину.

«Кома, — с облегчением подумала Аня. — Галлюцинация. Мозг просто травит меня фантазиями, пока тело лежит под капельницей».

С этой мыслью напряжение и дикий страх растворились. Плечи расправились, а на губах появилась дерзкая, вызывающая ухмылка.

— Очень удачно, что нашли лошадей, а то как бы мы поехали. — Аня уверенно поднялась с пола, прихватила и «плащ». Прошла мимо хранителей, но у выхода обернулась:

— Ну, мы едем? В какое-нибудь более приятное место.

Хранители переглянулись. Молодой прошептал старшему с жалостью:

— Ужасы, что ей пришлось пережить в той стране... Разум помутился.

— Она права, нам нужно выдвигаться сейчас, чтобы добраться до заката, — темноволосый хранитель закрыл металлической заслонкой камин и последовал за Аней в большой зал. Второй мужчина помог Фионе подняться и почтительно предложил свой локоть.

— Госпожа, вы сможете управлять лошадью сами? До Городка Небесного Сияния часов десять, если не больше.

Аня услышала название и рассмеялась. Эхо её смеха заполнило все огромное пространство когда-то великолепной церемониальной комнаты. Девушка ничуть не смутилась громкого звука. А вот от рассветных лучей в окнах зажмурилась.

— Вы серьёзно? Что дальше? Деревня У Закатного Ручья? Мост В Радужных Брызгах?

— Сестра, твой Переговорщик переводит дословно, это не даёт тебе почувствовать красоту нашего языка... — обиженно, но мягко ответил краснощекий хранитель. Второй же даже не обратил внимания на слова девушки, он уже открыл дверь и ждал, когда остальные выйдут из храма.

— А почему я — сестра, а она — госпожа? — почти игриво продолжила Аня. Ответил уже «хмурый» брат, а не «лапушка». Так Аня мысленно обозначила новых знакомых.

— Потому что госпожа Элени имеет род и предназначение. А вы — гостя нашей страны. Но на всё свое время и воля Единого.

На улице Аня поняла, зачем Фиона скакала как ненормальная перед храмом. На снегу не осталось ни следа от произошедшего ранее, только бесчисленные отпечатки копыт «взбесившейся» лошади.

Милый пухляш почтительно помог забраться в седло Фионе, на этот раз она села по-женски, слегка набок. Еще несколько минут очарованный хранитель суетился вокруг своей госпожи, поправляя то одежду, то сумки.

Ане же достался чопорный кавалер, который сухо придержал лошадь комиссара, пока девушка неловко прыгала и карабкалась, в попытках занять место. Когда Аня уселась от нее не ускользнул неодобрительный выдох — ну, сидеть по-другому в седле она не умела. Поводья Аниной лошади хранитель привязал к своей. Затем он ловко забрался в седло и, наконец, их процессия двинулась.

— Я вам не доверяю, но пока доверюсь!

Торжественно объявила рыжеволосая неуклюжая всадница и заговорщически подмигнула Фионе, что обернулась.

Аня чувствовала необычайный прилив сил, ей было любопытно, что там впереди создал для неё собственный мозг.

Правда, надолго этих сил не хватило, через полчаса дороги она заснула прямо в седле, обнимая свой «королевский плащ».

Глава 2.

Идеальный Эдвард Стоунфилд

Величественное поместье Стоунфилдов сияло, будто внутри было собственное солнце. Теплый свет из окон контрастировал с черным камнем роскошного трехэтажного здания. Фасад утопал в статуях, барельефах и светящихся кристаллах. Каждый элемент подчеркивал магическое происхождение древнего рода.

К широкой мраморной лестнице одна за другой подъезжали кареты. Одни — запряжённые лошадьми, другие — похожие на машины, с красным сиянием кристаллов под корпусом. Магические шары освещали сад и гостей так ярко, что можно было рассмотреть каждую складку на платьях дам.

— Как романтично! — воскликнула высокая дама, выходя из старомодной кареты. Её очаровала иллюзия падающих лепестков.

Хозяйка поместья, Леди Маргарет Стоунфилд прямо сейчас выглядывала из-под портьеры на улицу. Она как по списку отмечала выходящих из карет, улыбалась каждому, пусть никто её пока не видел.

— О, какой интересный крой у платья Леди Джейн... — глаза с длинными ресницами сощурились, присматриваясь к высокой даме на лестнице, — Эдвард! Альрик фон Хайд здесь! Я так боялась, что последний суд и скандал помешают ему посетить наш бал!

Леди Маргарет обращалась к своему сыну, что критично осматривал себя в зеркало. Он был сегодня идеален и знал это. Высокий, с широкими плечами, его внешность нельзя было назвать яркой, но он был удивительно гармоничен: серые глаза, русые волосы, высокие скулы и волевой подбородок. Ничего вычурного, ни одной детали, что нарушала бы мягкость и одновременную строгость линий. Была у него милая особенность: когда улыбался появлялась ямочка, но только на левой щеке.

Эдвард Стоунфилд, молодой человек двадцати семи лет, был наследником одного из самых знатных домов страны, и, конечно, завидным женихом. Он обладал удивительным даром, что не зависел ни от красных кристаллов, ни от знаний заклинаний. Его магия подарила отцу звание Лорда, хотя сам Эдвард пока унаследовал лишь титул барона.

Да, Эдвард был тем человеком, о котором матери шепчутся вечерами. И тем, чьё имя юные девушки пишут на уголках тетрадей.

— Вот так лучше...

Мужчина чуть растрепал волосы, ему нравилось, когда во внешности оставалась расслабленная небрежность. Вздрыгнул от резкого движения матери: она задернула штору. Судя по широкой улыбке, хозяйка дома увидела того, кого очень ждала сегодня.

— Саэль Асмори прибыл. Теперь ничто не может испортить твою помолвку!

— Только наш дорогой известный родственник...

— О нет, — победно раскрыла веер Леди Стоунфилд. — Я назначила дату бала лишь с одной задачей: чтобы Герцог Блэквуд был в отъезде.

— Пойду проверю твою сестру. Спускайся через четверть часа, мой дорогой.

Сегодня в поместье Стоунфилдов собралась половина имперской аристократии, по мнению хозяина дома, Лорда Гарри Стоунфилда, лучшая половина. Из всех гостей едва ли с десятка набралось бы тех, что не владели магией. Зато у них были другие чудотворные ресурсы — неприлично огромные богатства.

Главной жемчужиной, конечно, стал Саэль Асмори. Верховный жрец Империи. Светло-серый камзол с лёгким голубым отливом выделялся на фоне тёмных праздничных тканей. Заметив его, гости волной расступались и замирали в почтительных поклонах. Асмори смущенно улыбался в ответ, иногда порывался даже поклониться. Он был мужчиной сорока лет, в свои годы уже полностью седой, с теплыми карими глазами. Казалось, эти глаза не способны на осуждение или презрение, в них застыло умиротворенное выражение благодушия. Когда Саэль заговаривал, то его собеседника вырывало из реальности, остальной мир замирал и терял цвет, оставляя живым только всепонимающего слугителя Церкви.

— Невеста прибыла! — прошептали в толпе и взгляды устремились к входным дверям. София Фери шагала неторопливо. Девушке было всего восемнадцать — цветущая юность. Светлое легкое платье подчеркивало её воздушный образ: светлая кожа, мягкие черты лица, с пепельным оттенком русые волосы. Глаза — серые, отражали теплый свет магических шаров.

— Дымка у подножья горы, — опишет позже внешность Софии знаменитый поэт.

От девушки исходило нечто, что аристократы старшего поколения отмечали одним взглядом: налёт дара. Не яркого, не могущественного — но всё же дара.

А каждый ребёнок с магическим потенциалом теперь — сокровище. В мире, где магия становилась всё более редким цветком, это было ценнее любого титула или состояния. Наследник-маг становился золотым билетом для главы семейства. Поэтому теперь наложницы часто смещали жен после рождения одаренного ребёнка.

— Как повезло Фери, что дочери не в него... — ехидно заметили в толпе. Шепотом, но так, чтобы Кирилл, отец Софии, услышал. Он вышагивал тяжелой поступью сразу за дочерью. Мужчина с цепким взглядом бухгалтера, нашедшего свою золотую жилу. Его блеклый камзол выглядел неприлично дешевым для помолвки. И только заядлые модники узнали бы ткань из шерсти Мериноса, что давало защиту хозяину от магии.

— Он всем обязан Первому Министру, — послышалось от группки министерских чиновников.

— Отдал за это сына...

Взгляд Фери сразу отыскал в толпе человека, благодаря которому помолвка Софии стала возможна. Альрик фон Хайд стоял чуть в стороне, наблюдая процессию с холодной, оценивающей улыбкой. Их взгляды встретились, и между мужчинами пробежала почти невидимая искра понимания. «Старые друзья» — так они называли друг друга в свете. На деле — партнёры, чьи состояния сплетены в тугой клубок взаимовыгодных сделок.

Альрик фон Хайд был лишён дара как и Кирилл Фери. Более того, они с женой всё ещё оставались бездетными. Елена фон Хайд смогла подарить мужу лишь титул и место в правительстве. И теперь каждый в империи знал, что любая, кто родит одарённого ребёнка Первому министру, могла заменить несчастную.

— Как они подходят друг другу! — раздалась аплодисменты.

София уже стояла совсем близко к своему жениху — пять шагов, не больше. Эдвард едва успел улыбнуться, когда их взгляды встретились. В этот миг что-то произошло: глаза Софии расширились, губы дрогнули. Она резко опустила взгляд, сделала неуклюжий реверанс... и почти бегом направилась в ближайший боковой коридор. Гости удивлённо ахнули, но Эдвард,

казалось, даже не смутился. Он извинился перед ближайшими дамами, не менясь в лице, неспешно направился вслед за девушкой.

Мужчина нашёл Софию в малой гостиной. Девушка стояла спиной, прижимая ладони к груди, будто пытаясь удержать сердцебиение. Эдвард тихо закрыл за собой дверь.

— София? — мягко позвал он.

Она вздрогнула и обернулась.

— Простите! — получилось громко, София тут же прикусила губу. — Простите, я... я не справилась. Я волнуюсь. Я... вдруг подумала... что не понравлюсь вам. Что вы сочтёте меня скучной. Ведь вы меня совсем не знаете. А я... — она опустила глаза, — я столько слышала о вас.

Эдвард улыбнулся мягкой понимающей улыбкой и с нежностью взглянул прямо в глаза невесте.

— Неправда, София, — тихо сказал он. — Я знаю о вас больше, чем вы думаете.

— Как? — прошептала она. — Мы ведь никогда...

— Я видел вас в Академии художеств, — признался Эдвард. — Вы часто оставались в зале для самостоятельных занятий. У окна, что выходит на розарий.

Он замялся, подбирая слова:

— Я так же волновался, как и вы. Стремился узнать вас получше.

Щёки девушки — только что бледные — медленно порозовели.

— Я... пробовала лишь пару раз, — прошептала она. — Акварель. Но... в Гильдии хранительниц очага изучение искусства не поощряется. Это... лишнее.

— Моя мать — из Гильдии Созидательниц. — Эдвард покачал головой. — Она прекрасно владеет акварелью. Если вы захотите... Никто не посмеет осудить будущую миссис Стоунфилд за уроки у своей свекрови.

София снова вспыхнула. Она не знала, куда деть руки. Эдвард сделал шаг ближе — всё ещё соблюдая уважительную дистанцию.

— Послушайте, — начал он серьёзнее. — Я понимаю, насколько это тревожно. Жениться, когда мы едва знакомы...

Он задержал взгляд на её лице и невольно улыбнулся.

— Но сегодня — только помолвка. До свадьбы ещё три года. И за это время... — он вздохнул, — я постараюсь показать вам, что достоин быть рядом.

София удивлённо моргнула.

— Если же вы не полюбите меня... Я возьму всю ответственность на себя.

Эдвард взял руки Софии в свои.

— Я против принудительных браков.

Девушка замерла. Её губы дрогнули.

— Вы... правда так думаете?

Эдвард кивнул и улыбнулся, с той самой ямочкой на левой щеке.

— Да. Иначе я не стоял бы сейчас здесь.

Эдвард поднёс ладонь Софии к губам. В этот момент дверь в комнату распахнулась и сквозняк занёс облако магических лепестков. Розовые огоньки закружили под потолком, прямо над удивленной парой. Один опустился на протянутую ладонь Софии, она посмотрела на него, потом на Эдварда... и широко улыбнулась.

Эдвард и София под руку вышли в главный зал. На них никто даже не взглянул. Воздух здесь теперь гудел по-другому — низко, взволнованно, словно растревоженный улей. В Империи, особенно в её высших кругах, для такого единодушного возбуждения было всего три причины.

Первая — отсутствие наследника у короля. Король упорно отказывался и от наложниц, и от повторного брака. Он предпочитал хранить верность своей Королеве.

Вторая — неизбежный вывод из первой: если наследника не появится... следующим королём станет Герцог Кайл Блэквуд. Имя, которое заставляло женщин морщиться, а мужчин — хмуриться. Развратник. Самодур. Человек, у которого десятки наложниц, но ни одной жены. Правда, наложниц видели нечасто — но свидетелей их покупки было более, чем достаточно.

И третья тема — самая тревожная: участвовавшие набеги варваров с севера и на востоке. Кто будет защищать земли, если магические роды иссякают?

— Праздник испорчен! — раздалось справа, и София вздрогнула. Леди Маргарет Стоунфилд появилась словно из воздуха, Эдвард вздохнул.

— Неужели Кайл всё же приехал? — сказал он так серьёзно, что София не сразу поняла — это шутка. Тогда жених наклонился к девушке и заговорщически подмигнул.

— Да ну тебя! — всплеснула руками Леди Маргарет. — Было бы лучше, чем это!

— Мама, пожалуйста. Не при даме... — Эдвард поморщился.

— А я тебе кто? — возмутилась Маргарет, приподнимая подбородок. — Я только что узнала: час назад в центре города — убийство! И какой-то умник уже успел пустить новость среди наших гостей!

София невольно сжала пальцы Эдварда. Тот накрыл её руку своей — спокойно, уверенно, так, что девушка снова немного порозовела.

— Убийство... — пробормотала София едва слышно.

— Вы собираетесь вообще объявлять о помолвке или ждёте, когда случится, что похуже, — Лорд Гарри Стоунфилд подошел к своей жене с гневным взглядом и та мгновенно потеряла всё свое самообладание, поспешила к центру зала. Поднимаясь на невысокую сцену, споткнулась о подол платья.

— Дамы и Господа! Я счастлива, что сегодня вы здесь с нами... — её голос едва был слышен в гуле толпы. Светское общество решительно её игнорировало. Маргарет стояла в растерянности, ожидая, когда шум утихнет. Взгляд её мужа Гарри становился всё мрачнее, он в упор смотрел на свою побледневшую жену, сам же даже с места не двинулся. Тогда Эдвард с Софией под руку вышел на сцену и с очаровательной улыбкой заговорил:

— Друзья, пожалуйста голос моей матери. Уделите нам минуту. — Эдвард был известен магическим талантом. Особенно легко ему давались чары, усиливающие собственное тело. Голос стал чуть более громким, чем этого требовала ситуация. В зале быстро воцарилась образцовая тишина.

— Спасибо, милый, — выдохнула Маргарет.

— Я — самая счастливая мать на свете, не только потому что у меня такой сын, но и потому что он, наконец, встретил достойную девушку.

Аплодисменты и одобрителный шум прервал речь хозяйки дома.

— Дамы и господа, я с гордостью представляю вам Софию Фери, невесту моего сына и мою будущую дочь!

— Отныне знайте, любой непристойный жест и даже взгляд по отношению к этой девушке, я буду считать оскорблением моего рода, — басом заявил Гарри Стоунфилд, поднимаясь к жене. Он с искренним порывом обнял сына. Прошептал ему на ухо:

— Я горжусь тобой, сынок.

Софию он удостоил легким поклоном, та ответила глубоким реверансом.

Затем последовал обычный для таких вечеров ритуал: на сцену вышли Фери — Кирилл и Мария со своим младшим сыном, мальчиком семи лет. Семьи обменялись клятвами родства.

— Единый сегодня здесь с нами... — сам Саэль Асмори (обычно этим занимается рядовой Брат-Хранитель) поднялся на сцену и скрепил руки пары голубой лентой. После священных слов лента впилась в кожу и в этот же момент сцена озарилась нежным голубым свечением. Оркестр заиграл торжественную музыку.

Теперь уже гости вереницей поднимались на сцену и поздравляли молодую пару. Подарки заносили, демонстрировали окружающим и тут же уносили слуги.

— Что это? Это летающая ткань Мордера?

— Молодые убьются на ней ещё до первенца...

Церемония, несмотря на усилия каждого изображать расслабленность и радость, получилась скомканной и тревожной. Гости хотели побыстрее вернуться к обсуждению преступления. Ещё не раз потом будут вспоминать, что такая помолвка — плохая примета.

Часть мужчин во главе с хозяином дома удалились в большую гостиную, чтобы покурить сигары. Дамы старшего возраста последовали за Маргарет — подышать свежим воздухом в саду.

У Софии выпросил танец её маленький брат. А Эдварда окружили три молодых человека. Все они были ровесниками и дружили с университетской скамьи. Самый высокий из четверки, темноволосый Генри Мэлфой, был главным задирой в их компании. Он всегда впутывал друзей в невообразимые и иногда неприличные приключения. Единственный, кто мог направить фантазию Генри в безопасное русло был сам Эдвард.

— Дружище, мы тут придумали... как отметить твою помолвку, - прошептал Генри Эдварду, обнимая его. Жених придержал друга за плечо.

— Если там будут гетеры, там не будет меня.

— Довольно, ты и так всегда сидишь в сторонке. Когда ты ещё...

— А теперь вообще буду сидеть дома... — обниматься дальше было бы неприлично и Эдвард стал поправлять камзол друга, — с сегодняшнего дня я буду ещё строже к себе... и тебе.

— Эдвард, могу ли я поговорить с тобой... наедине, — раздался тихий, обволакивающий голос. Все, кто был рядом, почтительно расступились, давая пространство Саэлю Асмори.

Эдвард проводил наставника в ту самую малую, уединённую гостиную — комнату, где совсем недавно пряталась София. Дождь, пока жрец опустится в кресло — и только потом сел во второе, напротив. На секунду между ними повисла тихая пауза. Эдвард снял перчатки, положил их на край столика и заговорил первым:

— Ваше святейшество... есть просьба.

Саэль кивнул.

— Мне нужно ваше благословение. Моя невеста, София, хочет изучать искусство.

Жрец на мгновение замер, а затем его лицо озарила тёплая, облегчённая улыбка.

— Эдвард, — произнёс он мягко. — С момента помолвки ответственность за духовное благополучие этой девушки лежит не только на Едином, но и на тебе, её избраннике. Если ты не видишь в стремлениях ничего, кроме жажды прекрасного, то и я благословлю это начинание. Да пребудет с ней вдохновение.

Саэль замолчал и уставился на пламя в камине.

— Мне тоже нужна помощь...

Эдвард кивнул, с готовностью приосанился.

— На севере, в районе Горного Хребта, зафиксирован необъяснимый и мощный скачок магической энергии, — голос стал тише. — Источник в одном из городков. Мне нужен кто-то, кому я доверяю. Возможно, это безобидная аномалия, а может, предвестник чего-то... большего.

— Я понимаю, — Эдвард ответил без малейших колебаний. — Я готов выехать хоть завтра, но прошу дать мне неделю. Если я умчусь по делам Империи на следующее же утро, что подумают люди о моей невесте?

Саэль внимательно посмотрел на него, и в его карих глазах читалось одобрение.

— У тебя есть неделя. Но только неделя. И важно, чтобы никто не знал о твоём расследовании. Придумай что-нибудь для отвода глаз.

Когда Эдвард вернулся в бальную залу, музыка уже смягчила напряжение.

Пары кружили в танце, перья, ткани, драгоценности мелькали в вихре света и движения.

И именно в этот вихрь, словно стрела, врезалась худенькая фигурка в жемчужном платье.

— Эдвард! — шёпотом, полным драмы, протянула Мира Стоунфилд, его шестнадцатилетняя сестра.

Она была точной копией брата: та же линия скул, тот же оттенок серых глаз, тот же немного упрямый подбородок — но всё это в более нежных чертах. Её платье переливалось серебром, волосы были уложены сложным узором локонов, на лице — глубокая, искренняя обида.

— Какой ужасный вечер, — заявила она, заламывая руки. Эдвард сдержанно улыбнулся.

— Что случилось?

— Это мой первый выход в свет! — трагически прошептала Мира, делая вид, что вот-вот расплачется. — А отец... отец даже не представил меня! Никому! Все говорят только о тебе, о Софии... об этом несчастном убитом лорде!

Девочка обиженно фыркнула.

— А обо мне — ни слова! Как будто меня вообще нет.

Эдвард мягко взял её под руку.

— Давай исправим эту несправедливость. — он наклонился к сестре. — Ты выглядишь прекрасно, Мира.

Девочка расправила плечи и победно улыбнулась. Брат повёл её к первой группе аристократов — бароны из государственных чиновников с женами.

— Дамы, господа, позвольте представить мою младшую сестру — Миру Стоунфилд.

Леди дружелюбно улыбнулись, мужчины склонили головы, кто-то даже осмелился похвалить платье юной Стоунфилд. Мира расцвела. Эдвард вёл её от группы к группе — и в каждой она становилась чуть увереннее, чуть ярче. То, что отец забыл сделать, старший брат исправлял с элегантно лёгкостью.

Наконец, брат и сестра подошли к троице друзей. Генри с озорной искрой в глазах театрально ахнул:

— О небеса! Мисс Стоунфилд? Это действительно вы? — он склонился, как будто видел перед собой королеву.

Мира выдержала паузу, затем холодно, как истинная наследница рода, сказала:

— Мы уже знакомы, Генри.

И добавила чуть тише:

— Со всеми вами я знакома.

Брови друзей взлетели вверх. Эдвард лишь едва заметно приподнял уголок губ — он прекрасно знал, что Генри нравился девушкам. И, судя по всему, его сестре — тоже.

Генри, не смутившись ни на секунду, приложил руку к сердцу:

— Но не официально, Мира. А теперь, когда ваш брат лично представил... — он протянул ей руку. — Могу я пригласить вас на танец?

Мира вспыхнула, довольно улыбнулась и вложила ладонь в мужскую руку так уверенно, будто делала это всю жизнь:

— Разумеется, сэр Мэлфой.

— Ох, как официально, — хохотнул кто-то из друзей.

Генри повёл её прямо в центр зала, где как раз начинался вальс. И Мира, которая недавно кипела обидой, теперь выглядела самой счастливой девушкой вечера. Эдвард смотрел им вслед, слегка качая головой.

— Я видел, что у тебя было время поговорить с невестой. И как она тебе? — подал голос Питер, рыжеволосый пухлый барон, он выглядел старше и благодушнее всех в четверке друзей.

— Совсем ребёнок, как моя сестра... — тихо ответил Эдвард, наблюдая за Софией, которая пятый танец подряд дурачилась со своим братом.

— Странно, что они взяли ребенка на бал, я про брата Софии, конечно... Некрасиво. — буркнул Томас, подойдя ближе. Но Эдвард проигнорировал его и продолжил диалог с Питером.

— А я слышал об убийстве. Кто, как не полицейский комиссар, мог узнать о происшествии так скоро.

Питер густо покраснел, почти сливаясь со своей рыжей шевелюрой.

— Ну это я от шока сболтнул. Лорд Пенелби был жестоко убит в своём доме, пока собирався на бал.

— У него недоброжелателей как снега зимой, — скучающе прокомментировал Томас.

— А вот тут ты прав, — выдохнул Эдвард.

Стоунфилды славились своими праздниками, но в этот раз Маргарет превзошла саму себя: она завладела «моментальными проекциями». В специально оборудованном павильоне гости, пара за парой, вставали в магический круг. На мгновение вспыхивал свет, и вот в руках оказывалась изящная статуэтка — точная копия позирующих. Почти все гости ушли, крепко прижимая к себе драгоценные сувениры.

— Эдварду так повезло с невестой, — шепнула Мире мать, указывая на Софию. Та держала свою проекцию двумя руками. На миниатюре она стояла под руку с Эдвардом.

— Кусочек счастливого будущего, что можно держать на полке, — усмехнулась довольная Маргарет.

— Это ей повезло с моим братом, — буркнула девочка, разочарованно разглядывая сплющенного Генри рядом с собой на статуэтке. Он вбежал в круг в последний момент и всё испортил.

Сложнее всего было выдворить сплетников, выпытывающих подробности убийства. Ни один слух не мог родиться так быстро, распространиться так стремительно и разрастись до размеров легенды, как среди сливок столичного общества. Кто-то клялся, что видел место преступления собственными глазами. Кто-то уверял, что знает имя убийцы. Кто-то вполголоса утверждал — Лорда Пенелби убил призрак покойной жены. Оставалось непонятным, какой именно из них.

Самые стойкие гости укатили лишь под утро, в предрассветную мглу. Однако Питер, Томас и Генри, вместо того чтобы последовать их примеру, снова окружили Эдварда.

— Леди Маргарет, лорд Гарри, — с обаятельной, но настойчивой улыбкой обратился Генри к его родителям. — Мы умоляем вас отдать вашего сына ещё на один, совсем маленький час. У нас для него приготовлен... особый сюрприз.

Уставшая Маргарет нахмурилась и хотела было возразить, но Гарри опередил её.

— Мужчина должен развлекаться, а не сидеть в комнате как девица. Только, ради всего святого, не задерживайте его до полудня.

Он постучал пальцем по плечу Эдварда.

— И проследи за этими идиотами.

Питер покраснел. Томас возмутился. Генри отдал честь, как солдат.

— Как скажете, отец.

Усмехнулся Эдвард. Троица торжественно повела его из залы.

— Вот скажи мне, — возмущённо бубнил Питер, — ну зачем тебе эта командировка? «Инспекция северных институтов» — да кому это вообще нужно?! Кто там вообще живёт? Ледяные черти да пять монахов!

Эдвард пожал плечами. Дождь начал с редких капель, но вскоре перешёл в уверенную морось, превращая мостовые в тёмное зеркало. Фонари мерцали неохотно — магические кри-

сталлы в них давно требовали замены, и свет больше напоминал усталое дыхание, чем яркое сияние.

– Такая у меня должность. Кто-то должен проверять и север, – ответил он спокойно, хотя голос его звучал устало. – Если я что-нибудь решал, я бы половину контроля сократил.

– Всё ещё будет, – хмыкнул Томас. Он шёл чуть впереди, закинув руки за голову. – Мы все знаем: Саэль тебя готовит на своё место.

Эдвард поморщился так явно, что даже в темноте было заметно. Томас постоянно подчеркивал высокое положение друга. Он не скрывал своей зависти и даже как будто упрекал – у него был самый слабый дар из всей четверки. Он, как многие другие бездарные, в совершенстве овладел магическими артефактами на основе красных кристаллов.

– Зачем так далеко, не могли пойти в бар поближе? – буркнул Питер уже Генри.

– Пришлось менять план в последний момент. – развёл руками Генри. – Жених сказал — никаких гетер.

Эдвард фыркнул.

– Сказал. И повторю.

– Да-да, Карус¹ ты наш, – ухмыльнулся Генри. – Так что пришлось искать место почище. И... та-дааа!

Четверо мужчин остановились перед невзрачным, тёмным фасадом. Вывеска из потускневших магических букв слабо светилась: «Аркадия». Генри проигнорировал выразительное молчание друзей, толкнул дверь, и они вошли внутрь.

Воздух встретил запахом старого дерева, сладкой ваты и едва уловимой статики работающей магии. Пустой зал был погружён в полумрак, и лишь в центре сиял магический купол.

— В последний раз я играл, когда была жива моя сестра, — негромко, почти невзначай бросил Генри. Он ловко забрался на длинное бревно под самым куполом и взял из корзины надувной меч, — Мне было пятнадцать и Анна всегда сбрасывала меня вниз в первые же пять минут.

По бревну и вокруг, прямо в воздухе, носились разноцветные магические фигуры — нелепые, игрушечные звери. Одну из фигур Генри ударил со всей силы и надувная панда полетела вниз.

– Ты... хочешь сказать... – начал Эдвард, приподняв бровь и снимая камзол, – Что мы будем...

– ДУБАСИТЬ друг друга на бревне, – радостно закончил за него Генри.

Томас расхохотался и вскарабкался по лестнице к Генри. Питер покачал головой, с опаской разглядывая игрушки вокруг. Эдвард в свободной рубашке полез на противоположную сторону бревна.

— Игроки могут сбивать друг друга? — уточнил Томас, взвешивая в руке дубинку.

— Естественно! — крикнул Генри и, прежде чем Томас успел среагировать, со всей дури ударил своим мечом ему в бок.

— А-а-а! Ты жук! — заорал Томас, кувыркаясь вниз и неуклюже приземляясь на мягкий батут.

Генри, уже сияя во всю ширину рта, развернулся к ошеломлённому Эдварду.

— Ну что, будущий Верховный Жрец, готов помериться силой с плюшевым драконом?

Глава 3

Вопросы без ответов

¹ Древний герой Империи. Образец справедливости. Больше о нём в интерлюдии «Запретное чтение»

В так называемый Городок Небесного Сияния конвой прибыл глубокой ночью. Чёрные скальные гряды, наполовину занесённые снегом, сменились серыми низкими домами. Редкие деревья стояли мёртвые, как будто их когда-то облизал огонь и с тех пор они не росли. Всё здесь освещалось тревожным, кроваво-красным светом от кристаллов — на столбах, прямо в мостовых и заборах. Мрачный отсвет лежал на стенах, на лицах редких прохожих, на всадниках впереди. Унылый пейзаж больше походил на декорации к дешёвому спектаклю о преисподней, чем на милый городок в горах, который обещало название.

— Вы шутите? — Анин голос сорвался в истерический смешок. — Небесного сияния? Небесного?! Он же... — она мотнула рукой, — лиловый, мать его!

Пухлый священник, который всю дорогу переживал за Фиону, смутился.

— Названия, сестра, они древние! — оправдывался он. — Страна менялась, а имена — остались.

Лошади остановились перед двухэтажным зданием из тёмного камня. Окна были решетчатыми. Двери — металлическими. А над входом висела табличка, на которой от древних букв сохранилась ровно половина.

— Ох, лапушка... — Аня замолчала в попытке элегантно спрыгнуть с лошади. Попытка — ключевое слово. Её ноги отказались слушаться. Она рухнула в серую жижу у входа, вскрикнув от боли.

— Ай!... твою же... — она схватилась за бедро. — Я не чувствую ног!

Фиона, которую высокий священник галантно усаживал в тёплую карету, даже не обернулась. Лишь вскинула подбородок, будто говоря: *сама виновата*. Пока Аня, скрипя зубами, поднималась, всё тот же рыжий Брат-Хранитель подхватил её под локоть.

— Вы можете называть меня брат Патрик — пробормотал Патрик, виновато почесав затылок. — Я провожу вас... на ночлег.

Ночевать Лапушка предлагал в тюремной камере. Крошечной комнате с лавкой, обитой кожей и туалетным ведром в углу.

— Хорошо хоть не использованное. — отметила Аня, разминая затёкшие ноги. Она присела на лавочку и тут же вскочила от боли. Патрик принёс ей чашку горячего чая и стопку толстых шерстяных одеял. Чистых и даже приятных на вид.

— Завтра вас ждет допрос, сестра, — Лапушка замялся. — Я постараюсь убедить комиссара быть мягче. Он... суровый человек. Но справедливый, конечно. Но больше всё же опасный.

Анна резко обернулась. Где-то под ребрами разлился холод, стоило вспомнить перекошенное лицо воина у храма.

— Это тот, который... ну... пропал?

Патрик кивнул.

— Тогда не парься. Не будет завтра никаких допросов.

Анна нервно хмыкнула.

— Ты лучше, Патрик, отведи меня в нормальный туалет. Негоже ночевать с полным ведром.

Брат засомневался, но все же уступил. Туалетная комната в этом холодном и мрачном мире была немногим лучше ведра. Осложняло действие тупая ноющая боль по всей поверхности ягодиц. Но Аня не унывала, эта убогая дырка в полу — явная отсылка к сельским туалетам из репортажных командировок. А, значит, нужно потерпеть, скоро она проснётся и пойдёт на работу.

— Это ли не счастье?

Пробурчала себе под нос Аня. Девушка вернулась в уже свою камеру, совершенно игнорируя запыхавшегося Патрика позади. Проигнорировала она и то, что он закрыл решетку, только взглянула на стол в углу, куда мужчина положил ключи. Девушка расстелила несколько

одеял на скамейку, одно свернула в роли подушки и одно оставила, чтобы укрыться. *Может, во сне получится проснуться в своём мире?* Она аккуратно улеглась бочком и взяла наконец в руки чай. Пар приятно поднимался от чашки.

— Доброй ночи, сестра. Я потушу свет. — прошептал Патрик и вышел из комнаты. Лязгнул засов.

— И тебе, братишка, — Аня отхлебнула чай. Вкус был странным — будто трава и дым. Но тепло растекалось по телу. Убедившись, что Патрик точно ушёл, девушка, наконец, стянула колготки и растерла обледеневшие ноги. Даже в тусклом свете из маленького окошка было видно, как они покраснели и опухли. *Такого во снах не бывает.* Аня твердо решила отогреться и поспать, прежде чем анализировать происходящее и думать, что делать дальше. Пока она предпочитала принимать теорию о коме за истину.

Аня честно пыталась уснуть. Сначала она легла на левый бок — больно. На правый — ещё хуже. На спину — лавка давила в лопатки так, будто мстила за всех путешественников, что когда-то на ней сидели. Заныла поясница. Девушка ворочалась минут двадцать, потом сорок... Потом потеряла счёт времени. Наконец, она сдалась, села, закуталась в одеяло и пробормотала:

— Ладно, переходим ко второму пункту.

Она встала, прошлась взад-вперёд по камере, потрогала холодный камень стены, ширкнула носком о ножку лавки, тихо выругалась — и остановилась у края решётки. На столешнице в углу комнаты, но за решеткой лежали те самые ключи от её камеры. Анна уставилась на них. Долгим, пристальным, гипнотическим взглядом.

Фиона не успела ответить, она ли подожгла ветку синим пламенем. Только вот Аня как сейчас отчётливо помнила покалывания в ладонях и выплеск энергии откуда-то из области груди. А что, если в этой коме у Ани есть сверхспособности? Девушка решила проверить теорию. *Сможет ли передвинуть предмет силой мысли?*

— Ну давай... — прошептала она, хмурясь так, что вены на лбу вздулись. — Давай, двигайся.

Ключи, разумеется, никак не отреагировали. Девушка снова нервно зашагала по камере. Достала телефон из внутреннего кармана. Аня мудро выключила его, как только поняла, что путешествие по этой коме будет долгим. В пути, правда, пару раз доставала, включала и фотографировала особенно величественные валуны, подпирающие свинцовое небо. Ну и тот холм в виде пышных грудей.

Аня снова включила телефон, проверила галерею — все эти фотографии на месте. *Четко работает мозг всё-таки.* А вот сети нет, вай-фая тоже, батарея — девяносто семь процентов.

Девушка резко повернулась к ключам и продолжила гипнотизировать железяки, будто пыталась передвинуть их силой внутренней агрессии. Минуты две ничего не происходило. А потом — получилось.

Комнату озарил свет. Мягкий, холодный, голубой — как отсвет зимней луны на снегу. Аня рефлекторно прикрыла глаза. В воздухе над столом проступил силуэт.

«Бабушка?» — пронеслось у неё в голове прежде, чем она успела подумать, что это глупость. Силуэт мигнул, затем расплылся и сложился обратно.

Лёгкая волна тепла прокатилась по комнате, и ключи... дёрнулись. Поползли по столу и полетели прямо девушке в руку.

— НИХРЕ... НЕТ, СЕРЬЁЗНО?! — Аня прижала ключи к груди. — Да ладноооа!

Самодовольная улыбка сама растянулась по лицу. По телу разлилось тепло — вместе с пьянящей смелостью, дающей силу расправить плечи, поймать за руку продавца, решившего тебя обсчитать и даже огрызнуться на старших.

— Ну, конечно, — пробормотала она и вскинула нос. — Логично же. Если уж я в коме, то в своих галлюцинациях, я пусть и с больной попой, но могущественная... ведьма? Маг? Магичка?

Ключи звякнули у девушки в руке. Аня подбросила их, поймала и решительно открыла решётку камеры. Довольная собой, вышла в комнату и облокотилась на тот самый стол, где лежали ключи.

— Если я смогла притянуть ключи... значит, я подожгла ветку!

Радость разлилась по груди, в голове зазвенел азартный ток. Аня хищно обернулась на единственный объект, подходящий для эксперимента: на ведро в углу. Она наставила на него палец.

— Ну что, дружок. Время испытаний.

Девушка напряглась, представила огонь, затем вспышку, тепло пламени. Даже почувствовала, как где-то под рёбрами шевельнулось... И ничего. Ведро стояло на месте. Смотрело своим одним глазом на неё с презрением.

Аня ткнула в него пальцем ещё раз.

— Гореть. Сказала.

Ведро даже не звякнуло. Девушка тяжело выдохнула.

— Ну, ладно... — она прислонилась лбом к стене. — Не всё сразу.

Девушка подмигнула в темноту.

— Не переживай. Я тебя всё равно подожду.

Нужно осмотреться. Аня беззаботно дернула железную дверь в коридор из комнаты...

Серый, кислый свет пробивался в камеру через решётку окна, когда Аню разбудили приглушённые голоса у двери. Она не сразу поняла, где находится, но вид унылого каменного потолка вернул её в суровую реальность. Она лежала на жесткой лавке, каждое движение отзывалось в теле глухой болью — напоминание о верховой езде. *Сон не вернул её в нормальный мир.*

У двери, в коридоре, шептались двое.

— ...а вдруг она действительно пророчица, Арсин?! — торопливо шипел Патрик. — Иначе как она узнала, что комиссар утром не вернётся?

— Ты идиот, Патрик, — раздался низкий, суровый голос. — Мы сами увели его лошадь. Он потерялся...

— У него спасательных артефактов, как зубов. Взять хотя бы телепорт, он мог перенестись в ту же секунду!

— Патрик, он скорее пешком пойдёт три дня, чем потратит хоть один артефакт. Подождем его пару дней, опросим пока сами...

— И Брат-наместник как по воле Единого уехал в столицу на какую-то помолвку...

«Пророчица... — с горькой усмешкой подумала Аня, слушая, как шаги Патрика и Арсина загибают в коридоре. — Если бы вы знали, какая я пророчица».

Девушка бросила взгляд на решётку входной двери — тяжёлую, железную и надёжную. Вчера она пыталась открыть её всеми способами: уговорами, угрозами, концентрацией, ментальными воплями, физической яростью, философским смирением.

Дверь не поддавалась ни под чем.

Более того — Аня была вынуждена, краснея от стыда, сама закрыть себя обратно внутри камеры и бросить ключи на стол, изображая, что ничего и не было. Затем её накрыла внезапная слабость — заснула, едва накрылась одеялом.

«Вот вам и ведьмовская слава... Ведро — не горит. Задница — болит. Дверь — не открывается». Аня зевнула, то ли от усталости, то ли от унылой безысходности, и, сосредоточившись на темнеющем коридоре за решётчатым окошком двери, прошептала:

— Ну давай же... хоть чуть-чуть...

И... Щёлк! Засов открылся. В проеме показалось любопытное лицо Патрика.

— Сестра, к вам пришла госпожа Элени... И я принёс вам лекарство.

— Лекарство? — Аня напряглась, машинально пригладила волосы — безуспешно. Тогда она достала резинку из кармана и убрала поникшие локоны в высокую гульку.

— Впускай гостью, братишка. Только лекарство мне не надо... Мне бы завтрак.

Аня непроизвольно встала и слегка наклонилась в приветственном поклоне, наблюдая как дверь открылась шире и внутрь вплыла Фиона. Патрик семенил за ней согнутый вдвое с подносом в руках.

Оно и понятно, почему все сегодня сами собой кланялись девушке. Фиона выглядела, будто её только что телепортировали с трона: вся в мехах — не тёплых, а величественных, разноцветных; волосы уложены в высокую причёску, украшений — словно в короне дома Романовых; перчатки сияли кольцами. Каждый жест гостя говорил: «Поклоняйтесь. Я — здесь царица».

— О, сестра! — воскликнула эта царица голосом, полным искренней тревоги, и стремительно ринулась к Ане, хватая её руки в отчаянном жесте. — Я так переживала за тебя в этой ужасной сырости! Я принесла тебе тёплые вещи...

Сразу за Фионой в камеру зашел и Патрик, на подносе Аня заметила пиалу с темной бордовой жидкостью. Белокурая девушка резким взмахом рукава снесла с подноса пиалу и та рухнула на пол, облив великолепные меха. Патрик бросился собирать глиняные осколки, приговаривая, чтобы сестры не шевелились.

Но «сёстры» и не собирались. Фиона резко изменилась в лице. Выпученными глазами она показала на пятно на полу и скрестила руки в запрещающем жесте. Аня громко вздохнула.

— О, нет! Ваши меха! — в ужасе воскликнул Патрик, поднявшись с колен. — Они испорчены.

Фиона снова обернулась нежной чарующей девушкой.

— Да что вы! Это всего лишь одежда, Брат-хранитель! — она мягко взяла руки служителя в свои и тот стал весь пунцовым.

— Я... я принесу другую порцию... — наконец ожил Патрик, он хотел уже выйти из комнаты, но Аня остановила его.

— А что это за лекарство, Патрик?

— Женское лекарство... — растерялся мужчина. Таких вопросов ему никогда не задавали. — Его пьёт каждый день каждая женщина страны. Эта хворь передается из поколения в поколение и вот...

— Но я же не из вашей страны. Зачем тратить на меня такую драгоценность.

Патрик глубоко задумался, как будто варварка задала ему задачу уровня «доказать теорему Ферма». Он даже опустил взгляд — потом снова поднял и неуверенно кивнул:

— Но даже приедем женщинам всегда его дают... Я должен спросить у старшего, — сдался Патрик и даже поник плечами. — Но никого в городе сейчас нет.

— Так давайте дождёмся старших. — Аня аккуратно уселась на лавку. Фиона всё это время внимательно следила за диалогом, но не вмешивалась. И только теперь произнесла сладким голосом:

— Патрик, не могли бы вы принести сверток сестре. Он остался в коридоре.

Дверь едва успела закрыться за Патриком, как маска заботливости осыпалась с лица Фионы.

— Эти красные кристаллы повсюду, они тянут твою энерги... — начала скороговоркой, но тут же замолчала, услышав торопливые шаги в коридоре. Патрик вернулся так быстро, словно телепортировался, сжимая в руках объёмный свёрток. Он сиял от сознания собственной расторопности.

— Вот, госпожа, всё как вы просили!

— Благодарю вас, брат Патрик, — Фиона вновь натянула на себя образ благородной дамы, взяла свёрток и просто бросила его на лавку рядом с Анной. Никаких лишних объяснений. — К сожалению, моя миссия здесь завершена. Мне нужно спешить в столицу. —

Она выделила слово «Столица».

— Я умоляю вас, присмотрите за этой бедной душой, — она кивнула в сторону заключенной, и в её голосе снова зазвучали сладкие, проникновенные нотки.

Прежде чем Патрик успел что-то ответить, она ловко вложила ему в ладонь золотую монету. Лицо брата-хранителя моментально омрачилось.

— Госпожа! Я не за плату исполняю свой долг! — в его голосе прозвучала искренняя обида.

— Брат Патрик! — Фиона прижала его руку к груди с видом оскорблённой невинности. — Это не плата! Это — пожертвование для вашего скромного прихода.

Аргумент подействовал безотказно. Обида на лице Патрика сменилась лёгким смущением и тут же — благочестивым рвением.

— О, конечно! Простите мою глупость! Я немедленно внесу его в книгу учёта пожертвований и вознесу молитвы за ваше здоровье и... и за варварку! — он уже поворачивался, бормоча себе под нос: — Сначала запись, потом молитва... или сначала молитва?

— Не пей лекарство, держись подальше от красных кристаллов.

Шепнула Фиона и скользнула в коридор, дверь громко лязгнула засовом — Аня вновь осталась одна.

До обеда девушка успела почувствовать себя почти человеком. Патрик сразу после ухода Фионы принёс ей завтрак, достойный... ну, детского сада. Рисовая молочная каша, огромный бутерброд с маслом и сыром, и какао с традиционной пенкой.

— Все же в девятку попала...

Брат-Хранитель позволил поесть Ане вне камеры, за столом, прямо под небольшим окошком. Затем он проводил её в уборную и умывальную, даже сам натаскал горячей воды.

Оставшись снова одна, Аня занялась «подарками от Фионы». В свертке оказались мягкие шерстяные штаны, длинное шерстяное платье, расписной палантин. Но главное — светлая длинная дублёнка с объемным капюшоном. К ней шли угги.

— Ляпота, — пробормотала Анна, закутываясь в меха. — Чистая магия.

В дубленке обнаружили внутренние карманы — а вот это полезно. В одном оказалась записка, всего одно слово, но написано так коряво, что и не разобрать. *Или жук не учил читать?* Девушка убрала клочок пергамента обратно. Затем стала переключать свои «богатства» из куртки в меха. Оказалось, что у Анны с собой были: телефон, шоколадка «Аленка» с начинкой, маленький тюбик крема для рук (спасение после местного мыла), пять мятных конфет, банковская карточка и несколько выцветших чеков. Вот и все остатки покинутой цивилизации.

Только Аня задремала, накрывшись своими новыми мехами, как её разбудил звук открывающейся двери. Арсин неспешно зашёл в комнату. Громко звеня ключами он распахнул решётчатую дверь в камеру.

— Брат Патрик всегда предупреждает стуком, — сонно заворчала девушка, поднимаясь.

— Учту, — холодно ответил темноволосый брат-хранитель. Рукой он указал на стул перед столом, сам же занял место напротив.

— Я буду спрашивать и записывать ваши ответы. Не переживайте, никаких обвинений против вас нет. Пока.

Аня молча присела, она всё ещё была процентов на восемьдесят во сне. Арсин с чрезвычайно серьёзным видом раскрыл пустую тетрадь с пожелтевшим пергаментом.

— Ваше имя.

— Анна.

Арсин довольно кивнул и старательно вывел на местном языке это имя.

— Ваш род?

— Женский... — скривилась Анна.

— Второе имя, которое перешло вам от отца, — не смутившись, объяснил Арсин. *Он репетировал этот вопрос?*

— А, мне оно перешло от бабушки. Синичкина я.

Суровый Брат-Хранитель явно надеялся, что затык в допросе настанет хоть чуточку позже.

— То есть Анна из рода Синичкина. — он замешкался, не зная как пишется по буквам это странное слово.

— Нет, правильное будет Анна из рода Синичкиных. От слова «синица», птицы такие. Девушка благодушно улыбнулась.

— При чем тут птицы?

На лбу Арсина выступил пот.

— А у вас нет птиц?

Аня с любопытством взглянула на маленькое окно, как будто ожидала там увидеть ответ на вопрос.

— Есть.

— Но синиц нет?

Арсин раздраженно стал выводить фамилию как понял.

— Дата рождения?

— Двадцать третьего октября тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

В отчаянии мужчина положил свою чернильную ручку-перо. Он уставился на потолок, потом кивнул самому себе и снова спросил:

— Сколько вам лет?

— Двадцать семь.

Аня сочувствовала бедняге и старалась не добавлять ему проблем, но пока не получалось. Услышав цифру, Арсин заговорил чуть почтительнее.

— Дети? Внуки?

Аня аж опешила. Чуть не задохнулась своим же возмущением и зачем-то ответила:

— Не важно!

— Ваша гильдия... то есть, чем вы зарабатываете.

— Журналист ТВ.

Арсин снова отложил перо. Он не знал как записать это слово. Вздох. Мужчина деловито закрыл тетрадь, смазав записи, ведь чернила не успели высохнуть. И вышел из комнаты. Через минуты три вернулся и жестом попросил Анну вернуться в камеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.